

Ника Светлова

**Одинокая
ипотечница
желает
познакомиться**

Ника Светлова

Одинокая ипотечница

желает познакомиться

<https://litres.ru/74102528>

SelfPub; 2026

Аннотация

На сайте знакомств Ася сначала в анкете написала «Ищу того, кто не испугается слова «аванс за кухню в декабре». Но очень быстро запрос поменялся: «В активном поиске человека, у которого дует из окна, а не из ушей. Понимаю в герметиках. Разговариваю с людьми, а не с квадратными метрами. И да, ипотека».

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	21
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Ника Светлова

Одинокaя ипотечница желает познакомиться

Глава 1

Анкета на сайте знакомств провисела ровно сорок минут, когда Ася поняла, что совершила ошибку. Не в том смысле, что «меня никто не лайкнет», лайкали как раз бодро. А в том, что лайкали не туда, куда она рассчитывала.

В графе «О себе» она честно написала:

«У меня двушка в новостройке за МКАДом, ипотека на 20 лет, вид на лесопарк, но сначала его нужно вырубить. Ищу того, кто не испугается слова "аванс за кухню в декабре"».

Ася думала, это звучит прагматично. Как бизнес-план. Мужчины, по её замыслу, должны были оценить прямолинейность и наличие жилплощади, пусть и в кредит. Она даже представила, как они пишут: «Какая взрослая женщина, давайте вместе посчитаем ПСК и эффективную ставку». Навивная.

Реальность обрушилась на неё диалогом с пользователем «Стас_39». На аватарке человек в автомобиле с зеркальной тонировкой. Лица не видно, зато видно, что он курит.

Стас_39: Привет. А правда вид на лес?

Ася: Правда.

Стас_39: Круто. Слушай, а можешь меня прописать, когда лес вырубят? А то я сам из области. Поженимся, а там видно будет. Ипотеку вместе платить веселее.

Ася: А ты кем работаешь?

Стас_39: Да я в такси. Но это пока. У меня бизнес-идея есть.

Ася: Какая?

Стас_39: Ну, когда поженимся, расскажу.

Ася закрыла приложение и уставилась в стену. Обои с мелким геометрическим узором, которые она выбирала три дня, показались вдруг тюремной решёткой с пожизненным сроком.

До тридцати двух лет она жила по съёмным углам с соседями-алкоголиками, с плесенью в ванной и с мужиками, которые забывали закрывать тубик зубной пасты. Собственная квартира казалась ей вершиной эволюции, ну, или хотя бы третьей ступенью пирамиды Маслоу, прямо над безопасностью.

Она, как Робинзон Крузо, обживала свой бетонный остров. Вот стена, выкрашенная в сложный серо-голубой, который в каталоге назывался «Дождливый Лондон», а по факту «Не пойми что, но дизайнер сказал дорого». Вот ламинат 33-го класса износостойкости. Вот счёт за коммуналку, который она оплачивает в приложении с гордостью капитана

дальнего плавания, пережившего девятибалльный шторм.

Одиночество накрывало её только по вечерам, когда в доме напротив зажигались жёлтые квадраты окон. Там, в этих аквариумах, двигались силуэты. Кто-то ужинал, кто-то смотрел телевизор, кто-то ругался так громко, что было слышно даже через двор. Ася сидела в своём идеальном ремонте, как в шоуруме ИКЕА после закрытия. Всё красиво, но трогать нельзя, вино проливать стыдно, а если заказать доставку суши, то только в коридоре, чтобы жирные капли не попали на тканевую часть дивана.

Подруга Лерка, заехавшая на смотрины, сказала:

— У тебя лицо ипотечницы, Ась. Оно хищное и затравленное одновременно. Ты на мужчин смотришь так, будто прикидываешь, сколько в них квадратных метров. В смысле сколько они готовы оплачивать?

— Лер, я не смотрю как хищница. Я просто устала.

— Это одно и то же. Знаешь, есть такая болезнь — синдром новостройки. Человек думает, что если он купил квартиру, то жизнь наладится. Не налаживается. У тебя не квартира, у тебя кредитное обязательство с видом на стройку. Но ты себя ведёшь как королева Швеции. А мужики чувствуют. Они думают: «О, у неё двушка. Значит, будет проверять, как я чайную ложку в раковину кладу».

— Я не проверяю ложки! — возмутилась Ася, хотя вчера переложила вилку у Лерки на два сантиметра влево.

— Проверяешь. Ты даже салфетки складываешь углом. Я

бы на месте мужика убежала в первый же день.

— Поэтому ты одна, — обиделась Ася.

— Я одна, потому что хочу, — парировала Лерка, надевая пальто. — А ты, потому что боишься, что кто-то испортит тебе ламинат. Выздоровливай.

После фиаско со «Стас_39» и разговора с Леркой Ася решила зайти с другой стороны. Она сменила фото. Вместо портрета на фоне новенького подоконника поставила селфи из отпуска трёхлетней давности, там она была в солнечных очках, с бокалом и без ламината на заднем плане. А графу «Кого ищу» переписала мягче: «Надёжного человека, который любит уют».

Через день написал Максим. Фото размытое, будто снимали на картошку, но в профиле значилось «IT-специалист», а это обещало хотя бы совместный платёж по ипотеке, а не прописку даром. Плюс Максим в первом же сообщении не спросил про метраж — это уже победа. Ася поймала себя на мысли: «Ну вот. Может, действительно нормальный?» И тут же одёрнула себя, чтобы не сглазить.

Они встретились в кофейне в центре. Максим оказался выше, чем на размытом фото, и у него были спокойные руки. Никаких тебе нервно бегающих глаз или потных ладоней. Он говорил о распределённых системах и о том, что хочет простого человеческого тепла. Он даже умел шутить. Ася почти ничего не поняла в этих системах, и ей это странно понравилось.

Ася расслабилась настолько, что даже съела круассан целиком, забыв подсчитывать калории и крошки на скатерти. Внутри, где-то под диафрагмой, росло тёплое и давно забытое чувство: кажется, меня видят не как ипотечный калькулятор. Кажется, я просто Ася.

— Значит, у тебя своя квартира, — улыбнулся Максим, помешивая капучино. — Я правильно понял?

— Да, — Ася заулыбалась в ответ. — В ипотеку, конечно. Но это же инвестиция в будущее. Двадцать лет не так уж страшно, если подумать.

— Двадцать лет, как средний срок брака в нашей стране, — философски заметил Максим. — Только у вас условия выгоднее.

Она не поняла, шутка это или нет. Но решила не вникать.

— Это просто замечательно, — он наклонился чуть ближе. — Я как раз хотел спросить... Ты не против, если я сразу уточню? Просто терять время не хочется.

Ася замерла. Сердце ёкнуло. Сейчас он скажет: «Давай попробуем быть вместе», или «Ты мне очень понравилась», или, ну, пожалуйста, пусть не про ключи, пусть хоть что-нибудь человеческое...

— ...ты не знаешь, в твоём доме ещё продаются квартиры? А то риелтор предлагает какую-то шлакоблочную хрущёвку, а я хочу свежую вторичку или первичку. С паркингом. У тебя есть паркинг?

Тёплое чувство под диафрагмой схлопнулось в ледяной

комок. Ася моргнула. Раз. Другой. Ей показалось, что она ослышалась. Но нет, Максим смотрел на неё с искренним интересом. Таким же, с каким смотрел на круассан, когда решал, съесть его или оставить.

Это был нокаут. Даже не нокаут, удар ниже пояса с добиванием. Она искала партнёра, а нашла потенциального соседа по лестничной клетке. Человека, которому не нужна была её грамотно спроектированная гардеробная. Ему нужен был аналог её квартиры, но без Аси внутри. Как будто она - агент по недвижимости с телом женщины.

— Паркинга нет, — сухо сказала Ася. — Я на улице паркуюсь, под окнами. Там зимой сугробы, зато бесплатно.

Максим вежливо улыбнулся, но глаза его стали стеклянными. Он понял, что Ася не ресурс, а так, приятное дополнение к неудачной парковке.

Они допили кофе в молчании. На прощание Максим сказал: «Ты классная, правда. Но если узнаешь про новостройки с рассрочкой, напиши». И ушёл.

Ася сидела за столиком и смотрела на остатки пенки. Официант подошёл спросить, убирать ли приборы.

— Убирайте, — сказала Ася. — И меня заодно.

Она вернулась домой злая. Скинула туфли, которые жали, и прошлась босиком по своему ламинату. Ламинат скрипнул. Тоскливо так, жалобно. Будто хотел сказать: «Я 33-й класс износостойкости, а меня даже кошки не топчут».

— Ну и пожалуйста, — сказала она вслух пустой прихо-

жей. — Не нужны мне ваши прописки и ваши риелторские запросы. И паркинги ваши не нужны.

Она достала ноутбук, чтобы удалить анкету к чертям собачьим. Но сначала, чисто по привычке, решила глянуть «входящие» для статистики, чтобы знать, сколько безнадёги скопилось за вечер.

Там, среди шаблонных «привет, красавица», «как дела, малышка?» и одного откровенно трешового «а ты любишь борщ? я люблю», висело одно неп прочитанное сообщение. От пользователя с именем «Алексей» и фотографией, где он стоял с собакой странной породы, похожей на швабру, представленную к ногам мужика в болоньевой куртке.

Ася вздохнула и открыла. Потому что удалять анкету - это святое, но сначала нужно начитать ся треша.

Алексей: Добрый вечер. Прочитал про вид на лесопарк, который пока не вырубili. У меня похожая ситуация, только окна во двор-колодец. Слушайте, а вы не знаете, какой герметик лучше брать для пластиковых окон, чтобы не сифонило? А то я мастеров вызывать разоряюсь, берут по пять тысяч за выход, а через месяц всё равно дует. Сам боюсь на-косячить. Опыта нет. Сосед сказал «жидкими гвоздями замажь», но я ему не верю, он в прошлом году балкон просрал.

Ася зависла.

Ни комплиментов её внешности, которой на аватарке не видно. Ни намёков на квадратные метры. Ни «давай встретимся, я классный». Ни «у тебя красивые глаза», хотя глаза у

неё действительно красивые, но Алексей этого знать не мог, потому что на фото она была в солнечных очках.

Просто герметик.

Ася подошла к своему окну. Провела рукой по стыку. Да, в прошлом ноябре тоже немного поддувало слева, пришлось регулировать створку. И вызывала мастера. Тот пришёл, покрутил что-то, взял три тысячи, сказал: «Всё, красавица, не дует». А через неделю задуло снова. Тогда она сама полезла в YouTube, нашла канал «Саня на стройке» и за три вечера научилась менять прижим цапфы. Ничего сложного, если не боишься отвёртки и матерных инструкций.

Она надела очки и начала печатать. Долго, потому что хотела написать «дурачок, конечно», но сдержалась. Незнакомому человеку вежливость прежде всего.

Ася: Алексей, здравствуйте. Зависит от того, какой у вас профиль. Если Rehau, берите «Стиз А», не ошибётесь. Если КВЕ, то лучше «Момент Гермент». Но сначала проверьте уплотнительную резинку. Часто дело не в стыке, а в том, что резинка ссохлась или легла неровно. У меня была та же история. Я вызывала мастера трижды, пока не плюнула и не научилась сама менять прижим цапфы. Это не страшно, если вы умеете отличать шестигранник от звёздочки. Если хотите, скину видео, как это делается. Канал называется «Саня на стройке», но Саня там матом ругается, так что не пугайтесь.

Она нажала «Отправить» и вдруг поймала себя на том, что улыбается.

Не потому, что перед ней потенциальный жених, муж, любовник или сосед по лестничной клетке с паркингом. А потому, что она, одинокая ипотечница с лицом хищной лани, только что впервые за долгое время с кем-то поговорила по-человечески.

Не о кредитном рейтинге. Не о статусе отношений. Не о том, сколько кто зарабатывает и чья квартира круче. А о сквозняке, который мешает спать по ночам. О герметике, который держит тепло. О глупой резинке, из-за которой ты просыпаешься с ледяным плечом и думаешь: «Господи, ну почему мир не может быть устроен чуть проще?»

Через пять минут пришёл ответ.

Алексей: Вы богиня. Серьёзно. Я уже месяц мучаюсь. Сосед советует скотч. Я ему не верю, потому что он в прошлом году посудомойку сам подключал и затопил три этажа. Скиньте видео. И скажите честно, «Саня на стройке» сильно матерится? У меня ребёнок спит в соседней комнате, но если не сильно, то я рискну.

Ася засмеялась вслух. Причём так, что эхо пошло по пустым комнатам от серо-голубой стены до ламината, от ламината до кухни, где ещё не было фартука.

Она напечатала:

Ася: Матерится средне. На троечку из пяти. Я бы сказала «по делу и с душой». Детям лучше не включать. А вам самое то. Держите ссылку.

И скинула.

Потом встала, подошла к окну и посмотрела на дом напротив. Там горели жёлтые квадраты. Их было девять штук. В одном ужинали. В одном спорили. В одном, кажется, танцевали. В девятом ничего не было видно, только белый свет и иногда тень, проходящая мимо.

Ася подумала: а вдруг в одном из этих окон кто-то сейчас тоже открыл анкету и написал незнакомке про герметик? Или про гудящую вытяжку? Или про унитаз, который странно шумит по ночам?

Она взяла телефон и передумала удалять анкету.

Написала новую строчку в разделе «О себе»:

«Понимаю в герметиках. Могу отличить цапфу от эксцентрика. В активном поиске человека, у которого дует из окна, а не из ушей».

И добавила смайлик. Первый смайлик за всё время.

А потом, подумав секунду, достала из холодильника бутылку белого. Недорогого, потому что ипотека. Налила в бокал, который пошёл в нагрузку к набору тарелок. Сделала глоток. Прямо на диване. Без салфетки под бокалом.

Ничего не пролилось. Мир не рухнул.

Через час прилетело новое сообщение от Алексея. Не про герметик. Не про цапфу.

Алексей: Спасибо. Правда. Я уже третий раз смотрю, у Сани на шестой минуте отдельная песня, но я пробил резинку, там действительно была складка. Подправил. Вроде не дует. Вы не представляете, как я вам благодарен. Я и не ду-

мал, что кто-то ответит так подробно. Люди обычно пишут «гугли» или молчат. А вы написали целую инструкцию. Это было... неожиданно приятно. Кстати, лесопарк свой не вырубайте. Мы с собакой любим туда ходить. Если вы не против, конечно.

Ася поставила бокал на журнальный столик. Без подставки. Пятно потом, но не сейчас.

Она набрала:

Ася: Не против. Только предупредите, когда пойдёте, я покажу, где черника растёт. Если её ещё не вырубili.

И отправила.

За окном, в доме напротив, горели всё те же девять окон. Или десять. Ася уже не считала.

Она смотрела в телефон и улыбалась.

Герметик — не самый плохой предлог для знакомства.

Хотя бы никто не просит ключи.

Пока.

Глава 2

Алексей предложил встретиться в субботу, «если лесопарк ещё на месте, а герметик держит». Ася три дня перекладывала эту фразу в голове, как ту самую вилку на два сантиметра. Формулировка была идеальной: ни свидания, ни деловой встречи, а что-то среднее — «проверка герметика на местности».

В субботу она надела кроссовки. Не новые, которые жали, а старые, с потёртостями, которые Лерка называла «позором ипотечницы». В них было удобно. Она даже не стала красить ресницы тушью в три слоя, просто умылась, собрала волосы в хвост и вышла из квартиры, не оглянувшись на ламинат.

Лесопарк оказался на месте. Его ещё не вырубili, и он пах прелой листвой и чем-то неуловимо детским, может, мокрой корой, может, свободой. Ася пришла на десять минут раньше, чтобы постоять одной и привыкнуть к мысли, что сейчас придётся разговаривать не через экран.

Алексей пришёл вовремя. С собакой. Собака действительно была похожа на швабру: длинная, взлохмаченная, с чёлкой, закрывающей глаза, и с таким видом, будто её только что достали из стиральной машины и забыли отжать. Звали собаку Кнопой.

— Кнопа, — сказал Алексей, пожимая Асе руку. — По документам Кнопа Первая. Но никакой второй нет. Просто

звучит солиднее.

Ася присела на корточки и протянула руку. Кнопа обнюхала её ладонь и чихнула. Это был, кажется, комплимент. Ася заметила, что Кнопа всё время косится на её кроссовки и слегка подрагивает.

— Она чего? — спросила Ася.

— Кроссовки проверяет, — Алексей вздохнул. — У неё пунтик. Она боится людей в ботинках на толстой подошве. И ещё микроволновок. И пылесосов. И фена. В общем, всего, что шумит. Однажды забралась в шкаф, когда заработала кофемашина. Мы её час искали.

Кнопа ещё раз чихнула и, видимо, признала Асины кроссовки безопасными, потому что лизнула ей руку и завиляла хвостом. Война была окончена, не начавшись.

Они пошли по тропинке, которая вилась между берёз и осин. Алексей говорил о собаке, о том, как Кнопа боится лифта и поэтому они живут на втором этаже, о том, что ребёнок, спящий в соседней комнате, — это семилетняя дочь Варя, которая «хочет быть ветеринаром, а пока тренируется на Кнопе, вычёсывая её до лысин».

Ася слушала и думала: вот человек, который не спросил про метраж, не оценил её кредитную историю и, кажется, вообще не думает о ней как о «двушке за МКАДом с потенциалом». Он говорит о дочери, о собаке, о том, что в его дворколодец солнце бывает только с одиннадцати до часу, и то если повезёт.

— А черника где? — спросил Алексей, когда они дошли до развилки.

— Там, — Ася махнула рукой на едва заметную тропу, уходящую вглубь. — Если ещё не вытоптали.

Черничник действительно выжил. Низкие кустики с синими ягодами прятались в тени больших елей. Кнопка тут же зарылась носом в мох, а они остановились рядом, не зная, что делать дальше. Собирать чернику было рано, уходить не хотелось.

— Знаете, — Алексей вдруг стал серьёзным, — я когда вам написал про герметик, я вообще не думал, что получу ответ. Я просто очень устал в тот вечер. Варя болела, окно дуло, на работе очередной дедлайн по проекту, и я сидел в кухне, смотрел на этот колодец и думал: «Ну хоть бы кто-нибудь сказал что-то полезное, без вот этого всего». И вы ответили.

— Я чуть не удалила анкету, — призналась Ася. — За пару часов до вашего сообщения меня сначала попросили о прописке, потом о консультации по покупке квартиры. Я уже чувствовала себя не женщиной, а отделом продаж.

— А я чувствовал себя неудачником с герметиком, — Алексей улыбнулся. — Хорошая основа для отношений, да?

Они замолчали. Кнопка вылезла из мха с веточкой в шерсти и посмотрела на них так, будто спрашивала: «Ну? Дальше-то что?»

— У меня нет паркинга, — сказала Ася.

— У меня тоже. Я вообще машину продал два года назад.

— У меня ипотека на двадцать лет.

— У меня съёмная. Но я коплю на первый взнос. Пока насобирал на два квадратных метра в Мытищах.

— У меня ламинат 33-го класса, — Ася сама не знала, зачем это говорит. — И я боюсь его испортить.

— У меня Варя разлила акварель на линолеум. Он теперь синий в районе дивана. Я привык. Иногда даже нравится.

Ася засмеялась. Не так, как тогда в пустой квартире с эхом, а тихо, себе под нос. И вдруг поняла, что ей всё равно, будет ли Алексей платить по её ипотеке, есть ли у него машина и знает ли он разницу между Rehau и КВЕ. Ей было важно другое: он не пытался ничего у неё взять. Он просто пришёл с собакой, которая боится микроволновок, и честно рассказал про свою жизнь.

— Я вам ещё не говорила, — сказала она, наклоняясь и отцепляя веточку от Кнопиной шерсти, — но у меня нет карниза до сих пор. Висит на соплях. Я два года не могу решить, какой купить.

— Я умею вешать карнизы, — Алексей сказал это буднично, без намёка. — Если что, могу помочь. Без обязательств. Просто у меня инструмент есть.

— А уровень у вас есть? — Ася прищурилась.

— Лазерный.

— Это серьёзно.

— Я вообще серьёзный. Когда не пишу незнакомкам про

герметик.

Они развернулись и пошли обратно. Солнце пробивалось сквозь листву, рисовало пятна на тропинке, Кнопа бежала впереди, путаясь в собственных лапах, но не падая. У Аси в кроссовке хлопнула вода из лужи, и она даже не расстроилась.

У выхода из лесопарка, там, где бетонная дорожка сменялась асфальтом, Алексей остановился.

— Ася, можно вопрос?

— Давайте.

— Если я приду вешать карниз... какой кофе вы пьёте? Ну, чтобы я знал, стоит ли брать с собой зерновой или обойдёмся растворимым.

— Я пью растворимый, — сказала Ася и почувствовала, что краснеет. — Но для такого случая могу купить зерновой.

— Договорились. Тогда в следующие выходные? Если лесопарк не вырубят.

— Если не вырубят.

Они попрощались. Кнопа лизнула Асе руку. Алексей махнул и пошёл в сторону своего двора-колодца, где солнце бывает только до часу. Ася пошла в свою новостройку, где вид на лес пока ещё был.

Вечером она написала Лерке:

«Кажется, я познакомилась. У него нет машины, нет своей квартиры, зато есть лазерный уровень и собака, похожая на половую тряпку».

Лерка ответила через минуту:

«Бери. Уровень — это серьёзно».

Ася улыбнулась и поставила бокал с белым прямо на журнальный столик. Без салфетки. Мир не рухнул и во второй раз.

А через неделю в её квартире повесили карниз. Ровно. Лазер не соврал.

Глава 3

Карниз провисел ровно месяц, когда Варя впервые переступила порог Асиной квартиры.

Это случилось в воскресенье. Алексей должен был приехать один посмотреть, не дует ли из окна после замены уплотнительной резинки, которую они меняли вместе в прошлые выходные. Но утром позвонил и сказал виноватым голосом:

— Ась, я с Варей. Бабушка заболела, сидеть некому. Если неудобно, я перенесу.

— Веди, — сказала Ася и только потом поняла, что в квартире нет ничего детского. Вообще. Даже шоколадки.

Она заметалась по комнатам. Ламинат скользкий. Розетки не закрыты заглушками. На журнальном столике бокал с вечернего чая, не убранный, потому что она теперь позволяла себе не убирать. А ещё на подоконнике лежал шестигранник, которым она вчера подтягивала ручку на кухонном шкафу. Инструмент. Опасный для ребёнка.

Ася схватила шестигранник и зачем-то сунула его в ящик с носками. Потом убрала бокал. Потом осмотрела розетки — нет, всё-таки они были с защитными шторками, она покупала такие, когда думала, что когда-нибудь здесь будут дети. Её дети. Или чьи-то. В общем, розетки безопасные. На этом запал кончился.

В дверь позвонили.

Варя оказалась маленькой, серьёзной и с двумя косичками разной толщины — одну заплетал папа, другую она сама, и это было видно. В руках она держала плюшевого зайца с оторванным ухом, примотанным синей изолентой.

— Здравствуйте, — сказала Варя, глядя не на Асю, а на ламинат. — У вас пол блестит.

— Спасибо, — Ася растерялась. — Я его мою.

— А у нас не блестит. У нас на нём синее пятно от акварели. Папа говорит, это современное искусство.

— Это правда искусство, — подал голос Алексей, снимая куртку. — Называется «Закат в Мытищах, фрагмент первый».

Варя фыркнула и прошла в комнату. Ася замерла: вот сейчас она коснётся ламината, пронесёт грязные ботинки, оставит царапину, или, боже упаси, захочет рисовать. Но Варя аккуратно сняла кроссовки, поставила их ровно у порога и пошла босиком. Носки у неё были разные: один с единорогом, другой с динозавром. Это был осознанный выбор, как потом выяснилось.

— Можно я посмотрю окно? — спросила Варя, глядя на Асю снизу вверх. — Папа сказал, у вас тут вид на лес. Лес — это где деревья? Или где стройка?

— Пока деревья, — сказала Ася. — Пойдём покажу.

Они встали у окна. За стеклом лесопарк ещё держался, но на горизонте уже торчали краны, похожие на жирафов,

которые пришли съесть последние берёзы. Варя прижалась носом к стеклу и долго молчала.

— А можно я буду приходить смотреть? — спросила она наконец. — Пока не вырубили. Вдруг они быстро. А я хочу запомнить.

— Можно, — сказала Ася. — Приходи, когда хочешь.

— Тогда давайте чай, — сказала Варя и пошла на кухню так уверенно, будто была здесь сто раз.

Алексей стоял в дверях гостиной и смотрел на Асю с каким-то новым выражением лица. Не как на женщину, которой пишут про герметик. Не как на хозяйку квартиры с лазерным уровнем. А как на человека, который только что пропустил в свою идеальную жизнь маленькую девочку с разными носками и зайцем с изолентой.

Чай пили на кухне. У Аси не было детских кружек, и Варя пила из обычной, держа её двумя руками. Заяц сидел рядом на табуретке и, по словам Вари, тоже хотел чай, но ему нельзя — намокнет изолента. Ася слушала и думала: вот оно, значит, как.

А потом случилась неловкость.

Варя допила чай, поставила кружку на стол и вдруг спросила:

— А у вас есть блины?

— Блины? — Ася растерялась.

— Мама всегда по воскресеньям пекла блины. С творогом. А потом перестала.

Повисла тишина. Короткая, но такая плотная, что, казалось, её можно потрогать. Алексей замер с чашкой в руке. Ася увидела, как у него едва заметно дрогнули пальцы, но она уже научилась замечать.

— У меня нет блинов, — сказала Ася честно. — Я вообще не умею их печь. Они у меня всегда рвутся, когда переворачиваю. И комом. Не блины, а оладьи-мутанты.

— У папы тоже рвутся, — кивнула Варя. — Один раз он сказал нехорошее слово и потом извинялся.

— Это было слово на букву «б», — уточнил Алексей глухо.

— Бли-и-ин? — протянула Варя.

— Хуже. Но я правда извинился.

Варя хихикнула, и тишина разжалась, как отпущенная пружина. Но Ася заметила, что Алексей после этого вопроса как-то ушёл в себя, и она не стала ничего спрашивать. Просто налила ещё чаю и достала из шкафа печенье, которое, к счастью, нашлось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.